

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 378.4

DOI: 10.20323/1813-145X-2024-3-138-49

EDN: СВНВНУ

Методологические аспекты университетских учебников истории М. М. Хвостова

Михаил Васильевич Новиков¹, Татьяна Борисовна Перфилова²

¹Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

¹m.novikov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0002-2013-1919>

²byzenka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2498-8688>

Аннотация. Статья посвящена изучению методологического сознания М. М. Хвостова. На материалах созданных им университетских учебников по трем разделам истории Древнего мира исследуются теоретические построения, нормативные научные установки, базовые принципы, ставшие регуляторами исследовательской деятельности ученого. Выявлено, что он, проявляя интерес к неокантианству, продолжал следовать позитивистской философии и гносеологии: принципам историзма и объективности, эволюционному подходу, факторной теории исторического процесса, постулатам исторического детерминизма. Вместе с тем, при создании концепции социологической истории М. М. Хвостову пришлось совмещать традиционную позитивистскую познавательную парадигму с основополагающими идеями априорных экономических и социологических доктрин, историко-критический метод – с методами аналогии и ретроспекции, интеграция которых позволяла ему типизировать исторические явления и процессы во всемирно-историческом масштабе. Отмечается, что Хвостов осознавал методологическое своеобразие истории, поэтому включил в свой тезаурус новое для историографии рубежа XIX–XX веков понятие «методология». «История Рима» и «История Древнего Востока» свидетельствуют о разной смысловой наполняемости использованных им выражений «методологические приемы», «методологическая точка зрения», которые включали, наряду с научно-теоретическими подходами, еще и утвержденные научным сообществом инструменты создания строго научного исторического исследования. Однако, в «Истории Греции» влияние методологии на выбор концептуальных, аксиологических и эмпирических подходов к познанию прошлого только подразумевается: категория «методология» имплицитно включена в содержание отдельных глав, но не артикулирована и заменена понятием «методы». Таким образом, апория «методологии» и «методики» в сознании профессора не была преодолена. В статье также рассматривается отношение Хвостова к историческому факту, концепции феодализма, общеисторической точке зрения.

Ключевые слова: университетские учебники; методология; историческая гносеология; методика; позитивистская парадигма познания; факторная теория; стадийные и циклические модели исторического процесса; общеисторическая точка зрения; концепция феодализма; модернизация прошлого

Для цитирования: Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Методологические аспекты университетских учебников истории М. М. Хвостова // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 3 (138). С. 49–61. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-3-138-49>. <https://elibrary.ru/СВНВНУ>

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Original article

Methodological aspects of M. M. Khvostov's university history textbooks

Mikhail V. Novikov¹, Tatiyana B. Perfilova²

¹Doctor of historical sciences, professor, Honored scientist of the Russian Federation, head of department of theory and methodology of professional education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

²Doctor of historical sciences, professor, leading researcher, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

¹m.novikov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0002-2013-1919>

²byzenka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2498-8688>

Abstract. The article is devoted to the study of M. M. Khvostov's methodological consciousness. Based on the materials of university textbooks created by him in three sections of the history of the Ancient world, theoretical constructions, normative scientific ideas, basic principles that have become regulators of the scientist's research activity are studied. It is revealed that, showing interest in neo-kantianism, he continued to follow positivist philosophy and epistemology: the principles of historicism and objectivity, the evolutionary approach, the factor theory of the historical process, the postulates of historical determinism. At the same time, creating the concept of sociological history, M. M. Khvostov had to combine the traditional positivist cognitive paradigm with the fundamental ideas of priori economic and sociological doctrines, the historical-critical method with the methods of analogy and retrospection, the integration of which allowed him to typify historical phenomena and processes on a world-historical scale. It is noted that Khvostov was aware of the methodological originality of history, so he included the concept of «methodology» in his thesaurus, which was new for historiography at the turn of the XIX–XX centuries. «The History of Rome» and «The History of the Ancient East» testify to the different semantic content of the expressions «methodological techniques» and «methodological point of view» used by him, which included, along with scientific and theoretical approaches, also tools approved by the scientific community for creating strictly scientific historical research. However, in the «History of Greece», the influence of methodology on the choice of conceptual, axiological and empirical approaches to cognition of the past is only implied: the category «methodology» is implicated in the content of individual chapters, but not articulated and replaced by the concept of «methods». Thus, the aporia of «methodology» and «methods of training» in the professor's mind was not overcome. The article also examines Khvostov's attitude to historical fact, the concept of feudalism, and the general historical point of view.

Key words: university textbooks; methodology; historical epistemology; methods; positivist paradigm of cognition; factor theory; stadial and cyclic models of the historical process; a general historical point of view; the concept of feudalism; modernization of the past

For citation: Novikov M. V., Perfilova T. B. Methodological aspects of M. M. Khvostov's university history textbooks. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (3): 49-61. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-3-138-49>. <https://elibrary.ru/CBHBHU>

Введение

В 2022 г. исполнилось 150 лет со дня рождения известного российского историка, профессора Казанского и Томского университетов Михаила Михайловича Хвостова. Выпускник Керченской гимназии и Московского университета М. М. Хвостов выбрал Казанский университет в качестве места своей работы. Здесь он подготовил и защитил магистерскую и докторскую диссертации, стал профессором и видным обще-

ственных деятелем. Широкою известностью ученому принесли не только его оригинальные лекционные курсы и созданные на их основе учебники, но и активное участие в поисках новых теоретико-методологических основ исторической науки. Эта часть наукотворчества М. М. Хвостова уже была предметом нашего исследования [Новиков, 2020; 2020а; 2023]. В данной статье рассматриваются теоретико-познавательные и методические аспекты его учебников «История Рима», «История Древнего Востока», «История Греции», впервые опубли-

кованных в императорский и неоднократно переиздававшихся в советский периоды истории нашей страны.

Результаты исследования

Самым ранним по времени появления университетским компендиумом ученого был литографированный учебник по истории Древнего Рима, сопровождавший одноименный лекционный курс приват-доцента М. М. Хвостова в 1906–1907 академическом году [Хвостов, 1907]. В нем большое внимание уделялось историографическому анализу разработки критического метода исследования, включая критику исторического источника. В этой связи автор считал своим долгом познакомить аудиторию с одним из основоположников научно-критического метода в изучении истории, выдающимся историком конца XVIII – начала XIX в. – Г.-Б. Нибуром.

Для нас изложенные сведения представляют несомненный интерес, так как Хвостов только начинал свою профессиональную деятельность, поэтому и выбор научных кумиров, и заимствования близких его сознанию идей, теорий, научных принципов, логических приемов могут многое рассказать об источниках создания его самобытной культуры умственного труда.

Заслуга Нибура, сообщил Хвостов, заключалась в разработке «методологических приемов... восстановления фактов древней истории» и реконструкции «картины древнейшей жизни римлян» [Хвостов, 1907, с. 18].

Нибур вызывал восхищение казанского ученого не только недюженным талантом исследователя-новатора, которому удалось заложить прочный фундамент развития всей последующей историографии античности. Блестящий филолог и историк Нибур оказался близок Хвостову тем, что одним из первых в Европе осознал «всю важность изучения экономических отношений общества» и, раньше своих современников обозначив роль материальных факторов в жизни всех без исключения народов, смог «вдохнуть жизнь в мертвые страницы древних историков», утверждал автор «Истории Рима» [Хвостов, 1907, с. 19].

Об авторитете Нибура в мировой исторической науке свидетельствовало громадное число его поклонников и продолжателей. Уроки познания прошлого Нибуром были прежде всего усвоены немецкими историками античности, замечал Хвостов и называл в этой связи имена таких блестящих исследователей, как А. Шwegлер и

Т. Моммзен [Хвостов, 1907, с. 20, 33]. Так, Шwegлер тоже применил «критический метод ко всем сведениям, дошедшим до нас... а затем, отделив достоверное от недостоверного», подобно великому учителю Нибуру, старался «реконструировать римскую историю так, как она происходила на самом деле» [Хвостов, 1907, с. 20].

Акцентируя внимание на этих достоинствах трудов Шwegлера, Хвостов невольно выражал и свое отношение к факту, добытому в ходе скрупулезного анализа источников. Для него, как и для немецких адептов историко-критического метода, факт был синонимом реального события прошлого, поскольку достоверность связанной с ним информации была научно доказана и обоснована.

Работу по поиску, обнаружению факта, доказательству его истинности, развенчанию мифов вокруг факта Хвостов называл «методологическими приемами» [Хвостов, 1907, с. 18], и эти приемы, по его утверждению, были разработаны плеядой выдающихся немецких служителей исторической науки во главе с Нибуром.

Выражение «методологические приемы» казанский антиковед использовал и в историко-ведческом разделе своего учебника, когда давал подробную характеристику «источникам, на основании которых можно восстановить» события, свидетельствовавшие о превращении Рима в «мировую» державу [Хвостов, 1907, с. 7].

В приведенном перечне имен крупнейших античных историков, оставивших сведения на этот счет (Тит Ливий, Диодор Сицилийский, Помпей Трог), особое место было отведено Полибию [Хвостов, 1907, с. 166–174].

Назвав Полибия создателем «прагматичной истории», достоверно «изобразившим» события прошлого, Хвостов выделил главный «методологический прием» достижения этой цели – «беспристрастность (объективность)» исследователя [Хвостов, 1907, с. 171].

Он и сам всегда стремился к объективному изложению истории народов древности, будучи уверенным в том, что не подвержен влиянию тех «господствующих идей и понятий» [Хвостов, 1907, с. 17], которые заставили бы его поступиться стремлениями к достижению идеалов подлинной научности. Ученый старался избегать эмоциональных оценочных суждений, не приносить в комментарии исторического процесса народов Древнего мира своих политических или религиозных предпочтений, не навязывать историческим персонажам своих мировоззренческих и жизненных ценностей.

Благодаря исключению из исследовательского арсенала этих табуированных в позитивистской историографии познавательных установок, которые сочетались со строго научными методами изучения источников, он, как ему казалось, соблюдает гносеологическую нейтральность и надежным образом «восстанавливает истину» [Хвостов, 1907, с. 91].

Опираясь на «подлинные сведения античных авторов», – наиболее достоверную информацию, извлеченную из их сочинений [Хвостов, 1907, с. 118, 119], и элиминируя любые домыслы, он упорно «реконструировал факты» [Хвостов, 1907, с. 92, 94], то есть, как и Нибур, осуществлял критику исторических источников с целью доказательства неопровержимости приводившихся в них сведений.

Следовательно, Хвостов работал в традиционной позитивистской познавательной парадигме, ориентировался на классический тип рациональности, не задумываясь о том, что тот уже в конце XIX в. исчерпал свой эпистемологический потенциал [Теория и..., 2014, с. 202, 203]. Историко-критический метод, которым он руководствовался, уже занял такие прочные позиции в научном инструментарии каждого историка, что многие учителя М. М. Хвостова (к примеру, П. Г. Виноградов [Малинов, 2005, с. 89]) не видели смысла в дальнейшей разработке приемов исторической критики. В отличие от московских профессоров, Хвостов довольно подробно в своих «Лекциях по методологии и философии истории» излагал традиционное «учение о... познавательных путях изучения прошлого» [Хвостов, 2011, с. 85], отводя центральное место в исторической гносеологии «работе по восстановлению исторических фактов» [Хвостов, 2011, с. 94–98].

Методологические поиски рубежа XIX–XX вв., хотя и не были чужды его сознанию, еще не подчинили себе его взгляды на процесс познания настолько, чтобы он мог в систематизированном виде изложить свои гносеологические установки студентам. Даже замечая методологическое своеобразие истории, он, в отличие от европейских и некоторых отечественных ученых, старался не акцентировать на этом внимание и, тем более, не артикулировать в учебных аудиториях. В его исследовательской практике, как свидетельствовали адресованные студентам Императорского Казанского университета «методологические» рекомендации, позитивизм, включая принципиальные положения методоло-

гии истории, все еще сохранял свои незыблемые позиции [Рамазанов, 1999, с. 47].

Вместе с тем смысловая наполняемость слова «методология» не оставалась неизменной, и «История Рима» (при дальнейшем сравнении с другими учебными изданиями Хвостова) подтверждает сказанное.

В «Истории Рима» бросается в глаза множественность значений у выражения «методологические приемы», которое встречается и в историографическом, и в источниковедческом разделах учебника. Это может свидетельствовать о том, что понятие «методология» для сознания Хвостова было новым, и он, пытаясь определиться с сущностными характеристиками методологии, включал в ее предметное поле все наиболее важные для него – последователя точной доказательной исторической науки – критерии достижения истинного, неопровержимого знания: принципы и подходы к решению поставленных задач, а также сугубо технические приемы и правила исторического исследования.

Такой способ идентификации нового исторического понятия был вполне объясним. Большинство российских историков под методологией понимали учение о методах исторического познания. Другие аспекты методологии, как и природа этой новой дисциплины, в годы жизни Хвостова еще не были четко оформившимися [Хмылев, 1978, с. 73, 74].

Не рассуждая в ходе преподавания истории Древнего Рима о своеобразии исторического познания, его возможностях и границах, что увело бы в сторону от изложения сугубо исторических материалов, Хвостов на конкретных примерах пытался объяснить аудитории лишь базовые положения методологии: влияние философских идей, априорных научных теорий, мировоззренческих ориентаций ученого на выбор специальных исторических приемов познания прошлого. Они в первую очередь предопределяли актуализацию социально значимых тем для истории, формировали подходы и требования к их исследованию. Апробирование удачно найденных норм исторического познания и, напротив, устранение заблуждений и ошибок, происходило во время передачи научно-методического опыта от одного поколения ученых другому и постепенно выливалось в «правильную» научную традицию исторической гносеологии.

Если обратиться к другому лекционному курсу Хвостова, о котором мы узнаём благодаря опубликованному в 1909 г. (на основе университет-

ских занятий) учебнику «История Древнего Востока», то мы сможем убедиться, во-первых, в том, что ученый продолжал осваивать понятие «методология» и все более уверенно включал его в свой тезаурус, и, во-вторых, что он начинал отчетливее осознавать влияние методологии на выбор концептуальных, аксиологических и эмпирических подходов к познанию прошлого.

Мы встречаемся с понятием «методология» в трех контекстах: источниковедческом, историографическом и дидактическом.

В первом случае прилагательное «методологическая» относится к оценке Хвостовым изъятий труда по истории Египта верховного жреца Гелиопольского храма Манефона (конец IV – начало III в. до н. э.). Основанное на египетских хрониках и других источниках, не сохранившихся до наших дней, сочинение Манефона стало «главной основой для последующих писателей», особенно иудейских и христианских, а история тридцати династий египетских фараонов, рассказ о которых «велся по царствованиям», в хронологическом порядке, превратился в «один из основных источников для хронологического построения египетской истории», сообщал преподаватель [Хвостов, 1927, с. 21, 22].

При всей значимости для исторической науки этих сведений, Хвостов не мог оставить незамеченной «важную методологическую ошибку», допущенную древнеегипетским историком. Не разобравшись в египетских хрониках, Манефон «целые династии», правившие одновременно, расположил в последовательном порядке. Это нарушало египетское летоисчисление, которое велось по годам правления фараонов, а потому и значительно увеличивало «количество лет господства многих династий», – резюмировал преподаватель [Хвостов, 1927, с. 22].

Следовательно, появившаяся неточность «хронологической канвы египетской истории» из-за пренебрежения Манефоном «цифровыми данными» названа в источниковедческом разделе «Истории Древнего Востока» методологической ошибкой.

В историографическом контексте «методологическая точка зрения» Хвостова (которую правильнее было бы назвать теоретико-методологической позицией) представлена при разборе им концепции феодализма в Древнем мире, а следовательно, и на Древнем Востоке.

Разделяя убеждения «новейших» историков о «всеобщности феодального порядка» у народов древности [Гревс, 1902], он упрекает тех против-

ников концепции феодализма, кто не различает «феодализма в узком и широком смысле слова».

Феодализм, в широком смысле, объяснял Хвостов, обладает «немногими характерными признаками», или «характерными чертами» [Хвостов, 1927, с. 115, 116]. «Власть находится в руках землевладельцев, которые в то же время являются главной военной силой в обществе. Государственная власть попадает в руки землевладельцев-воинов и разделяется. Землевладельцы-воины связаны иерархией... Другая часть населения утрачивает свою свободу: функции ее сводятся к добыванию средств землевладельцам-воинам. Эти типичные черты наблюдаются в обществах Древнего Востока», – заключал Хвостов [Хвостов, 1927, с. 11].

Проводя важную мысль в том, что феодализм – это система социально-экономических, социально-политических, правовых и идеологических отношений [Хвостов, 1927, с. 99], он многократно повторяет типичные черты, присущие «феодальной организации» вне зависимости от временных и территориальных условий ее возникновения [Хвостов, 1927, с. 11, 99, 100, 112], и подтверждает эти черты при помощи трактовки – явно тенденциозной – источников по истории Древнего Египта и народов Древней Передней Азии [Хвостов, 1927, с. 88, 89, 91–95, 114–120, 129, 134, 135, 163, 241, 244, 254, 255 и др.].

Помимо концепции феодализма «История Древнего Востока» Хвостова включала и другие, не менее значимые в теории исторического процесса начала XX в., базовые исследовательские установки. К их числу принадлежала, к примеру, факторная теория исторического процесса. В «Истории Древнего Востока» она проводилась ярче, чем в «Истории Рима». Автор разбираемых университетских курсов объяснял это тем, что римская история не предоставляла ему возможности использовать факторную доктрину, потому что «римская культура есть культура составная, несамостоятельная»: она развивалась под влиянием «этрусской цивилизации... греческой цивилизации с Балканского полуострова, а через посредство ее [подверглась – М. Н., Т. П.] косвенному влиянию восточной цивилизации» [Хвостов, 1927, с. 7].

Подражательный, заимствованный характер культуры потомков Ромула помешал ему как «историку-социологу» [Хвостов, 1900, с. 281; 1924, с. 11, 12, 30; 2011, с. 51] на материалах древнеримской истории «вскрыть с большой ясностью влияние некоторых факторов, которые обуслов-

ливают эволюцию человеческих обществ на ранних ступенях их развития». Только «относительно изолированные» цивилизации, к числу которых принадлежали, по его мнению, те, что были созданы в северо-восточной Африке и Передней Азии (но никак не в Южной, Юго-Восточной Азии, на Апеннинском полуострове) могут быть объектами пристального историко-социологического изучения, пояснял ученый, так как «элементарные факторы [исторической эволюции – М. Н., Т. П.] отчетливо выступают [именно – М. Н., Т. П.] в изолированных цивилизациях... не подвергшихся влиянию соседей или предшествующих культур» [Хвостов, 1927, с. 7].

Перечислив эти факторы («влияние природы, роста населения... влияние потребностей индивидов – материальных, альтруистических, правовых... интеллектуальных»), он прилагал немало усилий для того, чтобы доказать детерминированность исторического развития Древнего Египта и Древней Передней Азии, и в то же время, невзирая на выявленное историческое своеобразие «культур», возникших в этих регионах Древнего Востока, подчеркнуть их типологическую принадлежность к неевропейским цивилизациям [Хвостов, 1927, с. 5, 8].

Из популярных на рубеже XIX–XX вв. теорий исторического процесса Хвостов диссемировал сразу и стадильную экономическую теорию К. Бюхера (правда, применяя ее не к всемирному историческому процессу, а к поступательному развитию конкретного древневосточного общества), и циклическую теорию Э. Мейера, так как, включив Египет и часть Передней Азии в состав эллинистических монархий, а затем и Римской «мировой» державы, доказывал цикличность исторического процесса: возврат от эпохи «народного хозяйства» (капиталистических отношений) к более низкой ступени историко-культурного развития народов бывших римских провинций после нашествия варваров.

Концепция феодализма, факторная теория, стадильная и циклическая модели исторического процесса, по убеждениям Хвостова, находили свое подтверждение в источниках. Их трактовка осуществлялась в нужном преподавателю ключе, когда факты подчинялись социологической схеме и другим нормативным познавательным научно-теоретическим формулам, сообщая им одновременно, как тогда казалось, дополнительную точность и надежность.

Для того чтобы не подорвать доверия к априорным историко-гносеологическим ориентирам,

Хвостов исключил из сферы своего внимания не известную ему историю Древней Индии и Китая и ограничил изложение истории Древнего Востока анализом процессов историко-культурного развития в Египте и Передней Азии. Объясняя свое избирательное отношение к народам Древневосточного региона, он опять счел необходимым призвать на помощь «методологический» подход.

Хвостов вновь упоминает о «методологической точке зрения», но уже в контексте структурирования материала учебника (и соответственно лекционного курса) по истории Древнего Востока, в котором не только отсутствовали важные разделы по истории народов Южной, Центральной и Восточной Азии, но и львиная доля представленных материалов посвящалась истории и культуре одного Древнего Египта.

На странице 231 он обосновывает свой нескрываемый интерес к этой цивилизации не личными предпочтениями, а практической целесообразностью: «египетская культура», благодаря разнообразию многочисленных источников, известна науке значительно лучше переднеазиатской. Ее можно реконструировать от «самых ранних ступеней» до наиболее зрелых форм. Следовательно, изучение исторического процесса (его тенденций и этапов) на египетском материале может быть более успешным и плодотворным, объяснял преподаватель.

Что касается «месопотамской культуры», более древней по сравнению с египетской, то принять ее за образец исторической эволюции цивилизаций Древнего Востока не представляется возможным, заявлял он: древнейшие этапы «вавилонской цивилизации» немые, так как не имеют достоверного подтверждения в сохранившихся источниках.

Как мы понимаем, это объяснение было нужно Хвостову для того, чтобы под благим предлогом оправдать свою методическую ошибку: допущенную асимметрию в содержании учебника. История и культура Египта в нем занимают несопоставимо большую часть имеющегося объема (с. 17–198 из 275) и не идут ни в какое сравнение с количеством страниц, отведенных истории и культуре древних народов Передней Азии.

В тех разделах учебника, где подробно и обстоятельно освещается многотысячелетняя история Египта, наиболее часто встречается метод, занимающий лидирующие позиции среди прочих средств и приемов изучения истории народов Древнего Востока, – сравнительно-исторический.

Используя диахронный анализ, преподаватель сравнивал изменения, произошедшие в процессе исторической эволюции Египта, начиная от эпохи Древнего царства, до потери независимости от персидских войск в VI в. до н. э. Особенно детально им были рассмотрены изменения «во внутреннем строе Египта эпохи Среднего царства – времени возникновения, укрепления и гибели «феодального уклада» – в сравнении с предшествующим периодом, «эпохой строителей пирамид», и последующим – формированием бюрократической монархии в эпоху Нового царства.

Сравнение всегда производилось по однопорядковым показателям: экономический уклад [Хвостов, 1927, с. 86, 87, 120, 121, 130, 131], «социальный строй», отражавший особенности землевладения и землепользования [Хвостов, 1927, с. 87–89, 95, 118, 119, 131–134, 162], государственный порядок [Хвостов, 1927, с. 90–95, 98, 112–120, 134–137]. Это позволяло студентам оценить произошедшие изменения в структуре и функциях объектов познания в историческом измерении.

Профессор мог сравнивать признаки феодализма, используя для этого информацию как из других, синхронно существовавших древних обществ [Хвостов, 1927, с. 99], так и из стадияльно несовпадающих с ними средневековых варварских государств Западной Европы [Хвостов, 1927, с. 99, 100]. При анализе «египетского феодализма» изучались три его периода и в ходе сравнения объяснялись отличия разновременных состояний: «периода формирования», времени «полной организации феодального порядка» и «времени кризиса, упадка» [Хвостов, 1927, с. 112].

Сравнению подвергались различные объекты древневосточных социокультурных систем: религиозные представления египтян в исторической перспективе [Хвостов, 1927, с. 156, 161, 190–195], тактика ведения военных действий фараонами XII и XVIII династий [Хвостов, 1927, с. 138], ответственность по долговым обязательствам в Египте и Месопотамии по Законам Хаммурапи [Хвостов, 1927, с. 242].

При изучении истории народов Передней Азии сравнивались условия существования «вассальных государств» Ассирии «Нового царства» и России в эпоху татарского нашествия [Хвостов, 1927, с. 255].

В целом, можно отметить, что основополагающие идеи экономических и социологических доктрин, которые М. М. Хвостов считал главным теоретическим оснащением курса истории Древнего

Востока, многократно отрабатывались во время лекций, и сравнительно-исторический метод выступал главным средством познания сущности исторических явлений и процессов у народов, не принадлежавших к европейским цивилизациям.

«История Древнего Востока» Хвостова ярче его «Истории Рима» отражает кристаллизацию мировоззренческих принципов и установок научного исторического познания ученого, а также опыт репрезентации достижений историографии, накопленный к первому десятилетию XX в. Дальнейшее совершенствование дидактического мастерства профессора, на наш взгляд, было связано с подготовкой лекционного курса по истории Древней Греции и созданием одноименного учебника.

«Историю Греции» можно считать вершиной учебно-методической деятельности Хвостова. Второе издание этого учебника, появившегося в 1917 г. [Хвостов, 1924], впитало в себя весь арсенал историко-теоретических рефлексий и научно-познавательных средств, которыми была вооружена зарубежная и российская историография античности к концу второго десятилетия XX в. [Хвостов, 1924, с. 33; Белох, 1897; Пельман, 1999; Вебер, 1891].

Нас уже не удивляет, что «концепция феодализма» стала твердым достоянием дореволюционной науки об античности. В сознании историков, и Хвостова в том числе, она заняла такое же прочное место, как и принцип историзма, и эволюционный подход, которые он (в отличие от коллег) то и дело совмещал с теорией прогресса, неохотно отказываясь от ее постулатов при интерпретации явлений исторического процесса в Древней Элладе [Хвостов, 1927, с. 21, 22].

Привычной для нас стала и факторная теория. Тесно связанная с позитивистским историческим детерминизмом, она оказалась, по соображениям Хвостова, незаменимой и при разработке «истории социологической», которая, став разновидностью объяснительной истории, была призвана объяснять причины событий совокупностью «общих социологических положений» [Хвостов, 1924, с. 21].

Не первый раз мы встречаемся также с избранной Хвостовым стратегией исследования исторического процесса, основу которого составляли материальные потребности людей древности и «деятельность индивидов», направленная на их удовлетворение. Материальную сферу профессор считал «наиважнейшей стороной общественной жизни» [Хвостов, 1924, с. 22].

В свете этого утверждения он выстраивал логику изложения процесса исторической эволюции каждого изучавшегося общества, уделяя перво-степенное внимание фактам совершенствования экономического уклада, к уровню развития которого «подтягивались» изменявшиеся формы земельной собственности и частно-правовая практика, а также усложнявшиеся общественные структуры и отношения.

Подобный подход к исследованию исторического процесса приветствовался, и труды многих отечественных историков рубежа XIX–XX вв. (например, Н. И. Кареева, Д. М. Петрушевского) демонстрируют это [Кареев, 2010 с. 29–351; Петрушевский, 2003, с. 71–436].

Общим местом всех исследовательских и образовательных проектов ученого стала и его методологическая привычка «осовременивать» древний мир. Он это делал ради «глубины анализа исторических фактов»: «в результате размышлений над событиями текущей жизни» Хвостов невольно проводил параллели между современностью и античностью, всячески пытаясь найти сходство между переживавшимися событиями и явлениями в прошлом. Например, «когда вскрылось влияние современного экономического строя на политические события», перед ним сам собой возник вопрос: «Да не было ли такой зависимости в прошлом?» [Хвостов, 1924, с. 22].

Ответ на этот вопрос, по мнению Хвостова, лежал в плоскости реконструкции фактов древнегреческой истории при помощи заимствования идей, принципов познания, исследовательских процедур, принятых в современной ему историографии при изучении наполненных событиями исторических процессов у новых и новейших народов.

В добавление к сказанному отметим, что, как и прежде, казанский профессор был уверен в том, что объективность и беспристрастность исследователя являются залогом и гарантом точного восстановления фактов прошлого [Хвостов, 1924, с. 19, 20, 22] и способствуют реализации главной задачи историографии, не изменявшейся со времен Фукидида, – «установлению истины» [Хвостов, 1924, с. 198].

Новизна «Истории Греции», по сравнению с предшествовавшими учебниками, заключалась в том, что этот труд в полной мере, по утверждению Хвостова, соответствовал требованиям новейшего этапа развития историографии «в области греческой истории»: он создавался на основе «дотоле неизвестных источников», недавно вве-

денных в научный оборот, а также на базе более совершенных методов «интерпретации, критики и реконструкции источников» [Хвостов, 1924, с. 21].

«Расширение кругозора историков» и «реальный характер их мировоззрения», утвердившийся к концу XIX в., способствовали «прогрессу» исторической науки. Монографии наполнились «реализмом в изображении древнегреческой жизни»; объяснение исторических событий и процессов «стало более глубоким»; в поле зрения историков были включены все стороны многогранной исторической действительности народов древних цивилизаций [Хвостов, 1924, с. 21, 24, 28].

Особой приметой историографии рубежа XIX–XX вв. Хвостов считал разработку общеполитической точки зрения, значение которой для постижения исторического процесса в обществах Древнего мира было трудно переоценить. Общеполитическая точка зрения, появление которой Хвостов объяснял совершенствованием процесса наукотворчества у исследователей прошлого человеческого общества, была исключительно важна для «понимания явлений греческой истории» [Хвостов, 1924, с. 29]. Их отныне предпочитали изучать не в отрыве от всей остальной древней ойкумены, а в историко-культурном контексте всемирной истории и, согласно историко-генетическому методу, в тесной связи с историей народов Древнего Востока.

Следовательно, Хвостов, руководствуясь передовыми идеями некоторых выдающихся современников (например, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби), начинает преодолевать обветшалые установки европоцентризма с его этноцентричным противостоянием европейской цивилизации Древнему Востоку и признавать важную роль Востока в развитии человечества.

Однако «поставленные в связь факты» древнегреческой и древневосточной истории [Хвостов, 1924, с. 28] ему были важны не для выражения взглядов об исторической преемственности западной культуры от восточной, а для подтверждения сформированной в рамках европоцентризма идеи о единстве всемирно-исторического процесса, о принципиальной близости и даже однородности экономической организации, социально-политических систем и достижений «чистой» культуры у всех цивилизаций на ранней и средневековой стадиях развития [Теория и..., 2014, с. 102–104].

Историческое прошлое Европы он по-прежнему рассматривал ключом к пониманию исторического процесса на Древнем Востоке.

Помимо расширения пространственных – географических – границ истории, общеисторическая точка зрения, в трактовке Хвостова, включала еще два аспекта.

Один из них, темпоральный, укоренялся во всемирно-историческом подходе, обязывая исследователя «изучать общество на всем протяжении его эволюции» и непременно «в связи с историей всеобщей» [Хвостов, 1924, с. 30, 33], где, согласно общепринятой периодизации исторического процесса, помимо Древнего мира, выделялись еще два периода: Средневековье и Новое время.

Следующий аспект общеисторической точки зрения заключался в отказе историков следовать за Л. Ранке и «младоранкеанцами», которые сосредоточивали свои усилия на разработке «исключительно политической истории», в том числе и у древних обществ. Интерес адептов нового подхода к истории переключался на всестороннее изучение народов Древнего мира, включая природную среду возникновения и развития цивилизаций, «статистику народонаселения» [Хвостов, 1924, с. 30, 31]. Установление «тесной связи между политической, экономической и культурной историей» составляет первоочередную задачу всех сторонников общеисторической точки зрения, утверждал Хвостов [Хвостов, 1924, с. 33].

Из этих характеристик общеисторической точки зрения как новейшего методологического подхода к познанию исторического процесса становится понятным пристальное внимание Хвостова к «сопоставлению явлений греческой истории с явлениями истории средневековой и ранней Новой» [Хвостов, 1924, с. 29].

Анахронизмы, которыми грешили и его учебные издания, и труды его современников, объяснялись соединением двух концептуальных моделей истории: линейно-стадиальной и циклической. Это предполагало соединение двух методов изучения исторического процесса: в хронологических рамках Древнего мира и во временных срезах всемирной истории. Наложение этих моделей и методов делало допустимым и даже научно оправданным экстраполяции трактовок современности на Древний мир. Модернизация осуществлялась и ради достоверности реконструкций далекого прошлого, и ради актуализации содержания давно минувшей истории. Ее историческая реальность, «восстановленная» благодаря широкому массиву источников, в ходе сближения с волновавшими разум человека начала XX в. проблема-

ми современности становилась уже не такой чуждой сознанию и не такой отстраненной от переживавшейся действительности.

Общеисторическая точка зрения, которой пытался следовать Хвостов, определяла набор познавательных средств, подходов и методов, позволявших ему решать диаметрально противоположные задачи: с одной стороны, изучать Элладу как часть всемирной истории, с другой – выявлять уникальность Древнегреческой цивилизации.

Базовым для реализации этих задач являлся сравнительно-исторический метод. Когда он дополнялся историко-типологическим методом с дедуктивными гносеологическими возможностями, речь шла о трактовке древнегреческой истории в соответствии с генерализованными стадияльно-экономическими и историческими схемами. В том случае, когда сравнительно-исторический метод комплектовался с историко-генетическим, направленным на изучение происхождения и этапов развития изучавшихся исторических явлений, а также на анализ причинности изменений, он как нельзя лучше подходил для постижения самобытного и неповторимого в истории Древней Греции.

Историко-генетический метод мог сочетаться с методом структурно-функционального анализа социальных и социально-политических систем обитателей Балканского полуострова в древности (полиса, афинской демократии, спартанской общины равных и т. п.).

Эти методы, которые мы без труда выявляем в ходе анализа «Истории Греции», Хвостов никогда не артикулировал. Он использовал их, никак не обозначая, хотя явно догадывался об их существовании, когда перечислял приемы «восстановления (реконструкции) фактов прошлого» при «соединении критически проверенных данных... источников в одну цельную картину» [Хвостов, 2011, с. 98].

К этим приемам он относил: группировку фактов в хронологической последовательности, в том числе и по принципу обобщения; установление причинной связи между фактами; «объяснение фактов при помощи общих суждений (общих понятий)» [Хвостов, 2011, с. 86].

При отсутствии достоверных источников или при их недостаточном количестве ученый прибегал к аналогии и ретроспективному методу [Хвостов, 2011, с. 98, 99]. Дав название и дефиниции только этим двум методам и умолчав о других, Хвостов создал обманчивое представление о своих способах осмысления исторического процесса в Древней Греции: действительно, ко-

му-то может показаться, что аналогия и ретроспекция выступали главными инструментами познания сущности и характера исторических преобразований в античной Элладе.

Хотя арсенал познавательных средств, известных Хвостову, был значительно более разнообразен, частота использования понятия «аналогия» заставляет в первую очередь обращать внимание именно на метод исторической аналогии, который, по представлениям ученого, был разновидностью историко-сравнительного метода [Хвостов, 2011, с. 98, 99].

Применявшиеся им способы сравнительного анализа, которые по своей сути были направлены на выявление общего и обнаружение уникального в объектах и явлениях, он не связывал с выяснением закономерностей исторического процесса у народов древности. Не занимаясь поиском исторических законов, Хвостов как будто бросал вызов позитивистской номотетической когнитивной стратегии.

Однако он невольно снова приближался к позитивистской гносеологии, когда упорно искал каузальное объяснение надындивидуальной исторической реальности и через разновидности сравнительного анализа выявлял историко-социальные типы.

В свою очередь, типологизация явлений и процессов обезличивала и унифицировала историю народов Земли, подтверждала ее повторяемость, что, по логике ученого, было необходимо для создания социологических обобщений, которые не мыслились вне генерализирующего позитивистского подхода к исторической эволюции нелокального масштаба.

Обратим внимание и на то, что выделенные Хвостовым и обнаруженные нами методы изучения истории Древней Греции (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, ретроспективный), ведущие подходы (эволюционный, системный, сравнительный, причинно-следственный) и принципы (научности, историзма) были основаны на приемах формальной логики. Это означало, что при осуществлении таких операций, как анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, он прибегал к понятиям, суждениям, умозаключениям, обобщениям для того, чтобы выразить свойства и взаимосвязи исторических явлений.

На этих универсальных рационально-логических познавательных процедурах [Теория и..., 2014, с. 279, 311, 312, 321], свойственных всем без исключения наукам, было построено представленное во всех учебниках Хвостова из-

ложение истории народов древности. Но если курс истории Древнего Востока перенасыщен схематизацией исторического процесса и нарочитым желанием автора следовать теоретико-методологическим регулятивам исторической науки начала XX в., а «История Рима» представляет собой, главным образом, заимствование Хвостовым западноевропейского опыта осмысления проблем социально-политического развития крупнейшей «мировой» державы древности, то «История Греции» – это оптимальная модель университетского учебника. Стремление к достижению научной истины здесь произведено на основе сбалансированного теоретического каркаса и арсенала соответствовавших ему учебно-методических средств.

В целом можно сказать, что «История Греции» – это яркий образец достойного компедиума для студентов исторических отделений Императорских университетов начала XX в. Учебник создан в позитивистской исследовательской парадигме, которую ярко демонстрируют и теоретическая, и дидактическая его составляющие: сообщая факты далекого прошлого Эллады, преподаватель обучал начинающих историков культуре умственного труда, разработанной в антиковедении и принятой за образец большинством профессионалов в предоктябрьский период.

Хвостов создавал точную, научно обоснованную, как ему казалось, «картину» жизни древних греков на протяжении более чем тысячелетнего отрезка их исторической динамики, объяснял при помощи факторной теории причины, вызывавшие движение вперед как Древнегреческой цивилизации в целом, так и отдельных независимых греческих полисов, следил за эволюцией экономического уклада, социальной среды, политико-правовых и идеологических установлений.

Профессор старался быть максимально объективным: использовал исключительно те источники, что прошли процедуру рационального анализа специалистов, тщательно комбинировал сохранившиеся свидетельства для достоверных срезов древнегреческой действительности, старался не навязывать своих оценок, редко делал выводы по разделам, избегая пристрастных трактовок событий, явлений и процессов. Правдивость представленной им «картины» жизни античных греков зиждилась на соблюдении правил, предупреждавших методологические ошибки: высоком профессионализме, блестящем знании источников с изложением достоверных фактов и опоре на добротные исследования европейских и отечественных ученых.

Хвостов был искренне уверен в том, что ему удастся оставаться принципиально честным и абсолютно отстраненным от изучавшегося материала наблюдателем, «нейтральным» субъектом познания, наиболее плотно приблизившимся к истине – правдивому и точному «восстановлению» древнегреческой исторической действительности, причем такой, какой она «была на самом деле».

Он наивно не замечал того, что Р. Ю. Виппер называл «предрасположениями нашей мысли», «чертежами» по заранее подготовленным лекалам, «умственным разрезами» в соответствии с установленными научным сообществом и самим исследователем познавательными планами [Виппер, 1912, с. 26–28], то есть зависимости от непреодолимого диктата дискурса.

Зная о том, что историки древности подвержены политической ангажированности, воздействию мировоззренческих и эпистемологических императивов своего времени, влиянию привычек сознания, он простодушно верил в то, что ему-то этих недостатков наукотворчества удалось избежать. Он следовал общепринятым теоретическим построениям, придерживался правил и стандартов осуществления научной практики, не нарушал установленных в профессиональном сообществе исследовательских методов, поэтому в истинности, надежности и верифицированности результатов своей научно-методической работы не сомневался.

Хвостов был уверен в том, что концептуальные «скрепы» и идеологические приоритеты эпохи его жизни, личные предпочтения в выборе ведущих направлений научного поиска и угол зрения, под которым он организует изучение истории народов древности, и греков в том числе, не определяли пределы и не ограничивали возможности осуществления им подлинно научной исследовательской деятельности.

Заключение

Модное в годы жизни Хвостова слово «методология» нашло «прописку» на страницах его учебников по истории Древнего Востока и Древнего Рима, а начало второго десятилетия XX в. было даже озаглавлено появлением «Лекций по методологии и философии истории».

Выражая уверенность в том, что методология создается на фундаменте философии истории и неотделима от «общих положений логики», не сомневаясь в том, что «многие вопросы теории истории и методологии тесно соприкасаются» [Хвостов, 2011, с. 3, 5], М. М. Хвостов все же

сконцентрировал свои интеллектуальные усилия не столько на теоретических проблемах исторического знания, сколько на методах («познавательных путях») изучения прошлого человеческого общества [Хвостов, 2011, с. 85], которые к моменту написания «Лекций...» (1912–1913 гг.) уже приобрели, по словам самого профессора, «догматический характер» [Хвостов, 2011, с. 5].

Этот «узкий» подход к методологии ярко продемонстрировал учебник по истории Древней Греции, второе издание которого появилось в 1917 г.

В то время как методология превращалась в научную дисциплину, отрасль специальных научных исследований, Хвостов почти полностью отказался от использования самой категории «методология» [Хвостов, 1924, с. 63, 64], заменив ее словосочетанием «методы истории» [Хвостов, 1924, с. 5].

Следовательно, в его понимании правила и приемы критики источников, благодаря которым историк получает достоверную информацию об исследуемом факте, должны называться просто методами исторического исследования, а не методологией.

Транслируя эту мысль и фиксируя ее на страницах «Истории Греции», он вводную часть этого учебника, которая почти дословно дублирует завершающий раздел «Лекций по методологии...», уже называет не «Методологией истории», а «Методами истории и общим обзором источников по истории Греции» [Хвостов, 1924, с. 5].

В тексте учебника мы уже не встретим, как в предыдущих учебных изданиях, слова «методология», ни применительно к анализу исследовательских приемов античных авторов, ни к оценке результатов научных рефлексий зарубежных историков Нового и Новейшего времени, как это Хвостов делал в «Истории Древнего Востока» и «Истории Рима».

Вторая глава «Истории Греции», направленная на освещение «прогресса» в области изучения исторического процесса у народов Эллады, при всем обилии сведений о состоянии исторической мысли XVIII–начала XX в., о мировоззренческих, идейно-политических, общеисторических взглядах самого Хвостова, также свободна от использования им понятия «методология».

И хотя подбор, систематизация, трактовка исторических свидетельств произведены с позиций «историка-социолога», а в исторических построениях, подходах и принципах трудно скрыть постулаты позитивистской философии и гносеологии, Хвостов нигде прямо не заявляет о том теоретическом и организационно-методическом ап-

парате управления собранным эмпирическим материалом, который лег в содержательную основу «Истории Греции», то есть явился методологией этой учебной дисциплины.

Отдельные аспекты теории исторического познания были имплицитно введены во все лекционные курсы Хвостова, однако ни четкой дефиниции понятия «методология», ни обобщения исследовательских приемов, сфокусированных на достижении поставленных им познавательных целей, нам обнаружить не удалось.

Выявленные нами в учебных текстах Хвостова методы исследования были связаны преимущественно с применением историко-сравнительных приемов к развивавшимся социально-экономическим и социально-политическим системам народов древности. Не стремясь к открытию жестких закономерностей в эволюции экономических укладов, социальных структур, политических организаций древневосточных и античных народов, ученый, тем не менее, в ходе сопоставлений и аналогий, нередко нарушавших современный принцип научности, пытался обнаружить не формальные, а, как ему казалось, сугубо сущностные совпадения их укладов жизни, сходные историко-социологические типы [Хвостов, 2011, с. 22], которые в ходе дальнейших сравнений сближались с подобными кластерами общественных систем европейских народов Средневековья и Нового времени.

Однако эта интенция к обобщению неоднородной фактической информации, стремление к выявлению единых тенденций в разворачивании всемирного исторического процесса и поиску каузальных связей между явлениями и процессами у народов разных цивилизаций и разных исторических эпох вступали в конфликт с эволюционным подходом к изучению историко-культурных преобразований конкретного народа древности, идеей преемственности развития источных материальных форм жизни, социальных структур и институтов, проявлений «чистой» культуры, которые он выделил в древних цивилизациях Востока и Запада. Установка на выявление индивидуально-конкретного, неповторимого перекрывалась более важной для Хвостова социологической установкой на познание общего, универсального, типичного. Генерализирующие методы его привлекали больше индивидуализирующих, несмотря на тесное знакомство с неокантианством.

Библиографический список

1. Белох Ю. История Греции / пер. с нем. М. Гершензона. Т. 1. Москва : Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. 500 с.
2. Вебер Г. Всеобщая история / пер. со второго изд., пересмотренного и переработанного при содействии специалистов. Т. 2. История эллинского народа ; пер. Андреева. Москва : Типо-литография В. Ф. Рихтер, 1891. 954 с.
3. Виппер Р. Ю. Несколько замечаний о теории исторического познания // Две интеллигенции и другие очерки : сб. ст. и публичных лекций. 1900–1912. Москва : Типо-литография тов-ва И. Н. Кушнерёв и К°, 1912. С. 26–61.
4. Гревс И. Феодализм // Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург : Тип. акц. об-ва Брокгауз–Ефрон, 1902. С. 494–520.
5. Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. Избранные труды. Москва : РОССПЭН, 2010. С. 29–351.
6. Малинов А. В. Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. Санкт-Петербург : Нестор, 2005. 216 с.
7. Новиков М. В. «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 166–173.
8. Новиков М. В. Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Вестник Московского университета. 2020а. № 4. С. 56–74.
9. Новиков М. В. М. М. Хвостов: в поисках нового образа исторической науки / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 121–134.
10. Пельман Р. фон. Очерк греческой истории и источниковедения / пер. с нем. А. С. Князькова ; под ред. С. А. Жебелёва ; науч. ред. нов. изд., прим. и доп. М. М. Холода и С. М. Жестоканова. Санкт-Петербург : Алетей, 1999. 470 с.
11. Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства / под общ. ред. М. А. Морозова, вступ. ст. Г. Е. Лебедевой, В. А. Якубского. Санкт-Петербург : Гуманитарная академия, 2003. С. 71–436.
12. Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века: в 2 ч. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. 144 с.
13. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. Москва : Аквилон, 2014. 576 с.
14. Хвостов М. М. Изучение экономического быта древности (Две полемики) // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Июнь. С. 281–303.
15. Хвостов М. М. История Древнего Востока / под ред. Г. Пригоровского. 2-е изд. Ленинград : Государственное изд-во, 1927. 275 с.
16. Хвостов М. М. История Греции. Лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших

женских курсах / под ред. Г. Пригоровского. 2-е изд., доп. Москва : Государственное изд-во, 1924. 262 с.

17. Хвостов М. М. История Рима. Конспективное изложение лекций пр.-доц. М. М. Хвостова, читанных в 1906/7 академическом году. Казань : Лито-Типография И. Н. Харитоновна, 1907. 299 с.

18. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. 2-е изд. Москва : Книжный дом «Либроком», 2011. 104 с.

19. Хмылёв Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск : Изд-во ТГУ, 1978. 172 с.

Reference list

1. Beloh Ju. Istorija Grecii = History of Greece / per. s nem. M. Gershenzona. T. 1. Moskva : Tov-vo tip. A. I. Mamontova, 1897. 500 s.

2. Veber G. Vseobshhaja istorija = World history / per. so vtorigo izd., peresmotrennogo i pererabotannogo pri sodejstvii specialistov. T. 2. Istorija jellinskogo naroda / per. Andreeva. Moskva : Tipo-litografija V. F. Rihter, 1891. 954 s.

3. Vipser R. Ju. Neskol'ko zamechanij o teorii istoricheskogo poznanija = A few comments on the theory of historical knowledge // Dve intelligencii i drugie ocherki : sb. st. i publichnyh lekcij. 1900–1912. Moskva : Tipo-litografija tov-va I. N. Kushnerjov i K^o, 1912. S. 26–61.

4. Grevs I. Feodalizm = Feudalism // Jenciklopedicheskij slovar'. Sankt-Peterburg : Tip. akc. ob-va Brokgauz–Efron, 1902. S. 494–520.

5. Kareev N. I. Obshhij hod vsemirnoj istorii. Ocherki glavnejshih istoricheskikh jepoh. Izbrannye trudy = General course of world history. Essays of the most important historical eras. Selected writings. Moskva : ROSSPJeN, 2010. S. 29–351.

6. Malinov A. V. Pavel Gavrilovich Vinogradov: Social'no-istoricheskaja i metodologicheskaja koncepcija = Pavel Gavrilovich Vinogradov: Socio-historical and methodological concept. Sankt-Peterburg : Nestor, 2005. 216 s.

7. Novikov M. V. «Jeto byl chelovek truda»: pamjati M. M. Hvostova = «He was a man of labor»: in memory of M. M. Khvostov / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Voprosy istorii. 2020. № 10. S. 166–173.

8. Novikov M. V. Osobennosti nauchnogo mirovozzrenija M. M. Hvostova = Features of the scientific worldview of M. M. Khvostov / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2020. № 4. S. 56–74 (a).

9. Novikov M. V. M. M. Hvostov: v poiskah novogo obraza istoricheskoi nauki = M. M. Khvostov: in search of a new image of historical science / M. V. Novikov,

T. B. Perfilova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 489. S. 121–134.

10. Pjol'man R. fon. Ocherk grecheskoj istorii i istochnikovedenija = Essay on Greek History and Source Studies / per. s nem. A. S. Knjaz'kova ; pod red. S. A. Zhebeljova ; nauch. red. nov. izd., prim. i dop. M. M. Holoda i S. M. Zhestokanova. Sankt-Peterburg : Aletejja, 1999. 470 s.

11. Petrushevskij D. M. Ocherki iz istorii srednevekovogo obshhestva i gosudarstva = Essays from the history of medieval society and the state / pod obshh. red. M. A. Morozova, vstup. st. G. E. Lebedevoj, V. A. Jakubskogo. Sankt-Peterburg : Gumanitarnaja akademija, 2003. S. 71–436.

12. Ramazanov S. P. Krizis v rossijskoj istoriografii nachala XX veka: v 2 ch. Ch. 1. Postanovka i popytka reshenija problemy = Crisis in Russian historiography at the beginning of the XX century: in 2 parts. Part 1. Statement and attempt to solve the problem. Volgograd : Izd-vo Volgogradskogo gos. un-ta, 1999. 144 s.

13. Teorija i metodologija istoricheskoi nauki. Terminologicheskij slovar' = Theory and methodology of historical science. Terminology Dictionary / otv. red. A. O. Chubar'jan. Moskva : Akvilon, 2014. 576 s.

14. Hvostov M. M. Izuchenie jekonomicheskogo byta drevnosti (Dve polemiki) = Study of the economic life of antiquity (Two polemics) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1900. Ijun'. S. 281–303.

15. Hvostov M. M. Istorija Drevnego Vostoka = History of the Ancient East / pod red. G. Prigorovskogo. 2-e izd. Leningrad : Gosudarstvennoe izd-vo, 1927. 275 s.

16. Hvostov M. M. Istorija Grecii. Lekcii, chitannye v Kazanskom universitete i na Kazanskih vysshih zhenskikh kursah = History of Greece. Lectures at Kazan University and Kazan Higher Women's Courses / pod red. G. Prigorovskogo. 2-e izd., dop. Moskva : Gosudarstvennoe izd-vo, 1924. 262 s.

17. Hvostov M. M. Istorija Rima. Konspektivnoe izlozhenie lekcij pr.-doc. M. M. Hvostova, chitannyh v 1906/7 akademicheskom godu = History of Rome. Prospective presentation of lectures by Dr. M. M. Khvostov, read in the 1906/7 academic year. Kazan' : Lito-Tipografija I. N. Haritonova, 1907. 299 s.

18. Hvostov M. M. Lekcii po metodologii i filosofii istorii = Lectures on methodology and philosophy of history. 2-e izd. Moskva : Knizhnyj dom «Librokom», 2011. 104 s.

19. Hmyljov L. N. Problemy metodologii istorii v russkoj burzhuaznoj istoriografii konca XIX – nachala XX v. = Problems of the methodology of history in Russian bourgeois historiography of the late XIX–early XX centuries. Tomsk : Izd-vo TGU, 1978. 172 s.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 16.05.2024.